

УДК 316.33

М. Г. Соколовская

ст. преподаватель каф. политологии и социологии
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина
e-mail: lllogos@list.ru

ЛИБЕРАЛЬНЫЕ И КОНСЕРВАТИВНЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В XIX в.

Осуществляется анализ либеральной и консервативной версий гендерных отношений, сформулированных в европейской (и российской) философской мысли в XIX в. Представители либерального направления считали рациональным расширение юридических прав женщин и их возможностей в сфере профессиональной деятельности, включая политическую. Доминирующей для женщин они определяли семейно-бытовую функцию, а затем производственную. Этот подход основывался на концептуальных положениях, разработанных философией эпохи Просвещения. Консервативная традиция в интерпретации гендерных отношений занимала антифеминистскую позицию, придавала чрезмерное значение биологическим и психологическим особенностям полов и противопоставляла социокультурное предназначение мужчины и женщины, основанное на религиозном (христианском) прочтении их социальных миссий.

Введение

Основу либерального подхода составили идеи английских философов Т. Гоббса и Дж. Локка, утверждавших равенство всех людей независимо от пола в том смысле, что «природа дала каждому все», что «душа не имеет пола», и указывавших на естественное право человека располагать и распоряжаться как ему угодно своей личностью, своими действиями в рамках существующих законов. Видный представитель эпохи Просвещения Ш. Монтескьё высказал радикальную мысль о целесообразности государственного лидерства женщины, полагая, что ставить женщин во главе дома, как это было у египтян, противоречит разуму и природе, но нет ничего противоестественного в том, чтобы они управляли государством, поскольку свойственная им слабость придает их управлению ту кротость и умеренность, которые гораздо нужнее для хорошего управления, чем суровые и жестокие нравственные и политические качества.

Правда, в своем большинстве философы этой эпохи настаивали на известном ограничении прав женщин при вхождении в публичную сферу, которая изначально определялась ими как мужское пространство. Они считали, что, согласно «женской природе», представительницы «слабого пола» не обладают чертами автономных и рациональных субъектов, необходимыми для выполнения функций гражданина, чего нельзя сказать о сфере построения отношений между мужчинами и женщинами как личностями.

В этом отношении ценен нравоучительный роман Ж.-Ж. Руссо «Юлия, или Новая Элоиза», в котором утверждается целесообразность мужского руководства женщиной, которая якобы является вечным ребенком и обладает бесконечной наивностью. Однако внимательное прочтение этого произведения свидетельствует о неточности подобного утверждения. При всей личностной невинности и наивности представленный на страницах этого романа женский образ Элоизы в контексте ее отношений с возлюбленным Сен-Прё обладает широким спектром качеств, вызывающих уважение и даже восхищение.

Во-первых, сам образ женщины пробуждает у влюбленного мужчины широкую гамму самых благородных чувств. Очевидно, что без отношений с ней образуется «вопяющая» неполнота его жизни. При этом восхищает не только ее внешность, но и личные качества: мягкость, деликатность, внутренняя чистота, чуткость.

Во-вторых, сама женщина способна не только на чувство невероятной силы, но и на серьезный нравственный поступок ради любви.

В-третьих, при всей эмоциональности и естественной страстности Элоиза в состоянии в конечном счете совершить рациональный выбор, следовать благоразумию и рассудительности, будучи убежденной, что «нельзя потакать чувственным страстям», а «безмятежность приобретаешь только в мудрости».

В-четвертых, сентиментальность присуща и мужчинам в лице Сен-Прё, у которого по сравнению с Элоизой горячности, чувственности, эмоционального пыла больше, чем дисциплины рассудка.

В-пятых, дисгармонию в отношения между мужчинами и женщинами вносят не столько их личностные отличия, сколько социальные обстоятельства, которые, как известно, преодолимы.

Либеральная интерпретация гендерных отношений

Сторонники либерального подхода считали возможным и необходимым частичное расширение юридических прав и сферы профессиональной деятельности женщины в целях гармонизации и гуманизации социальных отношений, ее личностного и профессионального роста. Ж. Кондорсе высказал важную мысль о зависимости социального прогресса от характера взаимоотношений между разнополыми сообществами. Одним из наиболее важных для общего счастья результатов прогресса человеческого разума он считал полное разрушение предрассудков, создавших неравенство между полами. Тем не менее для женщин доминирующей определяли семейно-бытовую функцию, а затем уже производственную.

Базовые принципы либерального подхода к преодолению гендерного неравенства в обществе разработаны немецким философом И. Кантом. В его концепции акцент делается на естественности соединения и нерасторжимости связи между мужчиной и женщиной. Эта связь должна быть достигнута в различных областях, начиная со сферы чувственности, где половое влечение выступает как величайшее «наслаждение особого рода», которое достигается соединением женского и мужского начала и которое должно быть в равной степени доступно представителям обоих полов, и заканчивая «моральной любовью».

И. Кант пишет также о необходимости равенства мужчин и женщин, вступающих в брак, о равенстве между ними в семейных отношениях. Это дополняется равным правом на частную собственность и свободу брачного выбора, т. к., по убеждению философа, «владеть человеком нельзя» и люди могут только сами, добровольно, исходя из имманентно присущего им чувства свободы рассматривать себя как вещи и отдавать друг друга во взаимное пользование, что и происходит в браке. Одновременно, исходя из посылки, что мужчина и женщина по своей природе отличны друг от друга, в браке, считает И. Кант, они взаимно дополняют друг друга и образуют одну «нравственную личность, движимую рассудком мужа и вкусом жены». Такое соединение позволяет укрепить в личности каждого из полов то лучшее, что в них присутствует.

В его понимании, ум женщины прекрасен, ум же мужчины глубок. Женщины избегают дурного не потому, что оно несправедливо, а потому, что оно безобразно. Никакого «надо», никакой обязанности, никакого принуждения женщина не терпит, она делает что-то потому, что так ей нравится. Прекрасный пол не руководствуется принципами, зато провидение вселило в сердца женщин чувства доброты и благожелательства, дало им тонкое чувство приличия и благосклонность. Не следует также требовать от них жертв и самоограничения [1, с. 63, 65]. Для мужчины нет ничего более обидного, когда его обзывают глупцом, а для женщины – когда говорят, что она безобразна.

Существует только одна сфера, где мужчины и женщины занимают различное положение, и она связана с «гражданской самостоятельностью»: избирательными правами обладают только мужчины, но не женщины, дети и слуги.

Тренд к либерализации гендерных отношений был закреплен французским мыслителем А. Токвилем, изучавшим развитие институтов демократии в США середины XIX в. Его базовый постулат выражался в том, что социальное равенство изменяет отношения между гражданскими лицами, в т. ч. между мужчинами и женщинами, а закономерно демократия повышает статус женщины и все более уравнивает ее с мужчиной. А. Токвиль подчеркивает, что в американских семьях существует патриархат, но он постепенно размывается новыми политическими и культурными веяниями, формируя тенденцию к усилению социальной и семейной роли женщин. В чем же это проявляется?

Во-первых, демократия способствует тому, что возрастает и становится более достойной роль женщины в семье. Как отмечает А. Токвиль, «одновременно с утратой аристократией ее господства наблюдается освобождение отцовской власти от всего того, что было связано со строгостью и легализмом, и вокруг домашнего очага устанавливается своего рода равенство всех членов семьи. Демократия ослабляет социальные связи, но она укрепляет естественные. Разобщая граждан, она одновременно сближает родственников» [2, с. 428].

В-вторых, А. Токвиль всячески подчеркивает высокое моральное достоинство американских женщин, их нравственную чистоту и дисциплину, позволяющую их рассудку «никогда не терять поводов», чему благоприятствуют как протестантская религия, так и созданные равенством политические демократические институты, что позволяет женщине оказывать существенное моральное воздействие на нравы общества.

В-третьих, высока интеллектуальная развитость женщин США. Будучи глубоко религиозным народом и сохраняя религиозные добродетели, американцы, помимо веры, «стараясь вооружить разум женщины» и стремятся к тому, чтобы «их сознание предварительно было просвещено» [2, с. 428]. Сделать это необходимо по двум причинам: 1) женщине предоставляется право свободно выбирать себе мужа, и она должна быть к этому интеллектуально подготовлена; 2) женщина принимает активное участие в выработке решений, регулирующих жизнь семьи.

В итоге мораль и интеллект формируют у женщин презрение к чувственности, капризности и легкомыслию. В представлении А. Токвиля, «образ их мыслей становится серьезным, расчетливым, основательным», и они «усваивают принципы мышления, свойственные промышленному и коммерческому классам». Как следствие, «по доброй воле они не стремятся к неистовым и капризным чувствам, которые приносят страдания и сокращают жизнь» и им оказываются ненужными кратковременные и тайные союзы, основанные на страсти. Все это приводит к тому, что американское общество испытывает настоящий пиетет по отношению к женщинам: «Американцы считают женщин добродетельными и деликатными и питают огромное уважение к их нравственной свободе» [2, с. 428–429]. Более того, постоянно происходит процесс возвышения женщин, и граждане США, сохраняя социальное неравенство женщин, сделали все с целью нравственно и интеллектуально поднять ее до уровня мужчины.

В-четвертых, высокое уважение к женщине предполагает и свободный брачный выбор с ее стороны, равно как и со стороны мужчины. Присущие им личностные достоинства позволяют сделать этот выбор не на воспетой в европейской литературе силе страсти, а на сходстве «вкусов и мыслей», что прочно удерживает их друг возле друга.

В-пятых, помимо равного обладания свободой, в отношениях мужчин и женщин наблюдается доминанта равенства, правда личностного, а не социального. В контексте своих отношений они проявляют уважение к роли каждого из них и рассматривают друг друга в качестве равноценных существ, обладающих различными предназначениями.

В-шестых, существует четкое, тщательное и взаимоприемлемое для обеих сторон разделение обязанностей и функций мужчин и женщин в семейном контексте, что служит естественным барьером для неадекватных и неприемлемых притязаний с какой бы то ни было стороны. К тому же подобное разделение домашнего (и не только) труда предоставляет возможность каждому человеку как можно лучше делать свое дело.

В-седьмых, при всей значимости принципов равенства и свободы в семье наблюдается доминирование мужчины. Вызвано это не только традицией патриархальности и религиозными императивами, но и тем прагматичным соображением, что всякое объединение, чтобы быть эффективным, нуждается в руководителе. Поэтому американки не рассматривают власть мужа как узурпацию их прав и не считают себя униженными, а добровольно и сознательно берут на себя строгие обязательства, не рассматривая их как бремя. Тем более что их моральный и интеллектуальный авторитет в семье позволяет им быть «услышанными». Поэтому, «обладая мужской силой разума и деятельной энергией», они в целом сохраняют «изящную внешность и женственность манер».

В-восьмых, анализируя гендерное неравенство в США, А. Токвиль предупреждает об опасности утверждения в обществе между мужчиной и женщиной не только равенства, но и тождества, что для него абсолютно недопустимо, т. к. возникает угроза их обоюдной деградации, формирования слабых мужчин и неприличных женщин.

Консервативная интерпретация гендерных отношений

Консервативная традиция в интерпретации гендерных отношений в XIX в. характеризуется антифеминизмом, придавая чрезмерное значение биологическим и психологическим особенностям полов и противопоставляя социокультурное предназначение мужчины и женщины: его как общественное, политическое, ее – семейное, «у домашнего очага». Идеальной в ее трактовке является женщина, которая родит, выкормит и воспитает наибольшее количество детей, способных работать для общества, не воспринимая себя в качестве субъекта общественных отношений. К числу видных представителей подобного направления относятся немецкие философы Г. В. Ф. Гегель, А. Шопенгауэр, Ф. Ницше и др. Консерваторы трактовали процесс феминизации преимущественно в негативном плане, объявляя любые попытки женщины расширить границы социальной самореализации как «промысел дьявола», «извращение космического порядка», «бунт против природы» и т. п.

В наиболее радикальной форме подобные взгляды артикулировал Ф. Ницше, утверждавший, что в то время как женщина завладевает все новыми правами, в реальности в своем развитии она движется назад по лестнице деградации. Он же сформулировал тезис, который прозвучал лейтмотивом антифеминизма: «Мужчина должен быть воспитан для войны, а женщина – для отдохновения воина, а все остальное – глупость». Можно привести и такие его выражения, наполненные пренебрежением к возможности достичь гармонии в отношениях между мужчиной и женщиной, как «брак – это наиболее изолганная форма половой жизни» либо «брак выдуман для посредственных людей, которые бездарны как в большой любви, так и в большой дружбе, – стало быть для большинства» [3, с. 758]. В своих трудах он достаточно часто использует по отношению к женщинам пренебрежительное слово «бабенка».

Правда, далеко не все его высказывания столь безапелляционны и одномерны. Более детальный анализ показывает, что в реальности им присуща большая глубина и неоднозначность оценок: женские и мужские натуры различаются, но совсем не в координатах «воин и его отдохновение», вплоть до того что само понятие жизни ассоциируется у него именно с женским, а не с мужским началом. В первую очередь отметим, что в восприятии Ф. Ницше мужчина и женщина – это действительно различные миры. Однако не противоположные, а скорее дополняющие друг друга. С наибольшей оче-

видностью это проступает в феномене любви и семейных отношений. С точки зрения Ф. Ницше, мужчины обыкновенно несколько «опускаются», когда берут себе жен, но зато в этом случае жены «несколько повышаются в своем уровне», что позволяет им приблизиться друг к другу. Основопологающим достоинством женщины является, в представлении Ф. Ницше, ее способность достичь совершенства в любви, направленной, разумеется, на мужчин и чрезвычайно желанной для них. Эта любовь включает в себя такой важный компонент, как «элемент материнской любви», выступающей как ориентация на заботу «о другом», переходящая в жертвенность. Ф. Ницше отмечает, что в женском понимании любви достаточно ясно заключена *верность*, совершенная преданность душою и телом, предельный альтруизм. При этом осуществляется духовный и душевный рост женщины, в том числе и по той причине, женщины «из любви» становятся всецело тем, чем они представляются любящим их мужчинам. В этом проступает безусловное благо для мужчин, для которых идеальной является ситуация, когда рядом с ними находится столь «интересная» в духовном плане женщина, с которой он сможет до старости «хорошо беседовать».

Подобное идолопоклонническое отношение женщин к любви, ее идеализация, по мнению Ф. Ницше, не может не усиливать их могущество и делает более желанными в глазах мужчин. Это как раз та сфера, где женщина превосходит мужчину, которому присуще более примитивное понимание феномена любви: у него в любви преобладает мотив потребления, «ассимиляция и возобладание», «желание обладать», которые заканчиваются всякий раз с достижением объекта желания. Поэтому и верность как основа стабильных отношений для мужчины чужда, и у него она может возникнуть только как благодарность или как «идиосинкразия вкуса».

Достоинства женщин, в понимании Ф. Ницше, не ограничиваются их талантом любить. Их прекрасное своеобразие выражается и в том, что они безусловно умны, но этот ум совершенно не похож на мужской. С одной стороны, интеллект женщин характеризуется полнейшим самообладанием, присутствием духа и силой духа. С другой стороны, он нацелен на использование женщиной «всех выгод», что проявляется в искусстве воздействия на мужчин либо манипуляции ими. В частности, они склонны к притворству, преувеличению своих слабостей, что обусловлено необходимостью в защите от сильных, «всякого кулачного права» и внешних обстоятельств. Все это позволяет им через подчинение обеспечить себе гораздо бóльшую выгоду «и даже господство», несмотря на внешнюю социальную вторичность. Ф. Ницше подчеркивает, что, «как у медиумических натур, их интеллект проявляется лишь внезапно и толчками, притом с неожиданной силой», что чрезвычайно важно и практично для выживания в кризисных ситуациях. И представляет реальную опасность для мужчин, т. к. «в состоянии ненависти женщины опаснее мужчин» [3, с. 757].

Интеллект женщины чрезвычайно значим для семьи и общества и по той причине, что именно они по наследству как свое основное свойство передают его своим детям, в то время как «отец присоединяет к нему более темный фон воли... Женщинам принадлежит рассудок, мужчинам – склад души и страсть» [3, с. 427]. В силу душевной грациозности и сложности женщин исторически, по убеждению Ф. Ницше, мужчины склонны к обогащающему их общению с умными женщинами, как это было, например, в Афинах во времена Перикла, когда мужчины обращались к Аспазиям, т. к. они нуждались в прелестях общения, расширяющего ум и сердце, которое могут дать лишь грация и духовная гибкость женщин.

Женщины, согласно Ф. Ницше, вносят соразмерность, примирение и известную гармонию в социальную жизнь, обладая естественной склонностью к спокойному, равномерному, счастливо-гармоническому существованию, внося «маслоподобный» и умиротворяющий элемент в общественную ткань, что представляет, правда, угрозу про-

буждению «героического свободного ума», стремящегося ко все новым вершинам. В этой ситуации женщины, привыкшие выступать перед всякой властью согнувшись и отвергающие любое восстание против нее, «прицепляются, как тормоза, к колесам всякого свободомыслящего, независимого стремления» и «втайне всегда интригуют против высшей души своих мужей... в угоду безбоязненному и спокойному их существованию» [3, с. 428].

Какой из этого выход? Только один: «Будут ли свободные умы иметь жен? Свободные мыслители... подобно птицам древности... должны предпочитать летать в одиночку» [3, с. 426]. Но речь здесь идет исключительно об очень небольшой категории мужского населения – своеобразных социальных демиургах.

У мужчин может быть множество претензий к женщинам. Но вина за это в не малой степени лежит как раз на них, поскольку, согласно Ф. Ницше, именно мужчины портят женщин, ибо творят образ женщины по своему образу. Поэтому совершенно логично его предложение: «мужчин надо лучше воспитывать». Действительно, с точки зрения Ф. Ницше, в современном мире чрезвычайно актуальна проблема правильного воспитания женщин и мужчин, поскольку «с помощью воспитания в цивилизованных странах Европы из женщин можно сделать все, даже мужчин, конечно, не в половом смысле... Они приобретут все мужские добродетели и сильные стороны, но вместе с тем и все их слабости и пороки» [3, с. 426]. В результате возникнет промежуточное состояние, в котором женские глупости и несправедливости будут преобладать, философия – загублена «умопомрачительной болтовней», а общество пребудет в состоянии полного разложения.

В своем сдержанном, нерадикальном варианте консервативный взгляд на отношения между полами представлен в концепции немецкого философа Г. Гегеля, сохранившей существенную связь с христианским вероучением. В ней акцент делается не на обесценивании природы женщины или же ее противопоставлении мужской, а на их функциональном различии, предполагающем поиск взаимной интеграции, что усилит социальные и личностные позиции каждого из полов. Женщины как таковые, в представлении Гегеля, не дурные либо хорошие. Они просто другие по сравнению с мужчинами. И у представителей каждого из полов имеется свое собственное жизненное предназначение.

Как отмечает немецкий мыслитель, «мужской пол являет собой в своем отношении вовне сильное и деятельное начало, женский – пассивное и субъективное. Поэтому действительная субстанциональная жизнь мужчины проходит в государстве, в области науки и т. д. и вообще в борьбе, в труде, в отношениях с внешним миром и с самим собой... Женщина в семье имеет свое субстанциональное предназначение и свою нравственную настроенность» [4, с. 215]. Женщины могут быть образованными и не ограничивать свое жизненное пространство условной гинекеей, могут обладать воображением, вкусом, изяществом, однако «для высших наук», философии, произведений искусства, требующих всеобщего, они просто не созданы. Главная причина этого – их неспособность выразить всеобщее и идеальное. Поэтому, например, если женщины возглавляют правительство, то государство находится в опасности, т. к. они действуют не согласно требованиям всеобщего, а исходя из случайной склонности или мнения.

Гегель отмечает, что различие между мужчиной и женщиной такое же, как между животным и растением: натуре мужчины присущ высокий уровень динамики и энергии, в то время женщина в большей степени представляет собой спокойное раскрытие и самопроявление.

С особой силой взаимное дополнение мужчины и женщины осуществляется в любовных отношениях, в браке и семье. По утверждению Гегеля, вступающая в брак личность, независимо от половых различий, непосредственно исключает свою *единич-*

ность и «достигает своего права сознавать саму себя в другом лишь постольку, поскольку другой присутствует в этом тождестве в качестве лица, т. е. автономной единичности», и всякий «являет себя в ней не как лицо для себя, а как *член* этого единства» [4, с. 216]. Олицетворением и проявлением этого единства является любовь как осознание своей общности с другим, как стремление нераздельно слиться и чувственно, и нравственно. Поэтому необходимо, чтобы любовь обрела форму брака. Основополагающую роль играет нравственная любовь, исключая из отношений между мужчиной и женщиной все преходящее, зависящее от настроения и просто субъективное. Она же основана на доверии и признании общности всего индивидуального существования. В этой ситуации, согласно Гегелю, «природное влечение низводится на степень модальности природного момента, которому предназначено исчезнуть в его удовлетворении, духовная же связь выступает в *своем праве* в качестве субстанционального, тем самым в качестве возвышающегося над случайностью страстей» [4, с. 210].

Принципиальным является тот фактор, что брак – проявление свободы, имманентно присущего «*свободного желания отдаться*», а это закономерным образом предполагает свободное согласие лиц на то, чтобы «*составить одно лицо*», отказаться в этом единстве от своей природной и единичной личности. Создание семьи имеет принципиальное значение для девушки, поскольку именно в семье она обладает своей существенностью. В семье, выступающей как непосредственная субстанциональность духа, важным является равенство в обладании одинаковыми правами и обязанностями между мужем и женой и то, чтобы они разумно относились друг к другу. Следовательно, муж не должен обладать большей значимостью, чем жена. Даже семейное имущество, несмотря на то, что им распоряжается мужчина, это общая собственность, и ни один член семьи не владеет особенной собственностью.

Гендерная целостность и любовь, представленные в браке и семейных отношениях, своей наибольшей предметности достигают в детях, т. к. мать любит в детях супруга, отец любит в них свою супругу. Существующие же различия между мужем и женой функциональны и касаются преимущественно как сферы публичности, в которой семью в качестве правового лица представляет в отношении к другим ее глава – муж, так и его ответственности за удовлетворение ее потребностей (не только материальных). Это зона ответственности, а не полового доминирования.

Выдающиеся русские философы В. Соловьев, В. Розанов, С. Булгаков возрождали к новой жизни идеи Платона, настаивая на индивидуальности и обособленности полов, которые преодолеют существенную рознь и распадение. Они видели общественный идеал не в механическом уравнивании обоих полов, к чему стремились феминисты, а во взаимном дополнении этих начал, тяготеющих друг к другу, без чего «половина» не может стать целым. Как отмечает С. Булгаков, «полный образ человека есть мужчина и женщина в соединении, в духовно-телесном браке. Каждый в отдельности есть *получеловек*», и «каждая личность представляет собой своеобразное смешение стихии мужской и женской, и этим обусловлена творческая напряженность, эротика духа» [5, с. 263]. Мужское и женское самосознание имеет свои отличительные черты. В представлении русского философа, «мужчина деятелен, логичен, полон инициативы; женщина инстинктивна, склонна к самоотданию, мудра нелогической и неличной мудростью простоты и чистоты» [5, с. 264–265]. Он всячески противится отождествлению полов, полагая, что мужеподобная женщина производит столь же уродливое впечатление, как женоподобный мужчина, а мнимое равенство неизбежно сопрягается с поруганием женственности и с низведением пола к простому различию самца и самки. При этом гендерные отношения, в его понимании, основаны на иерархии, в которой мужское начало выступает основной темой, главным мотивом и импульсом. Эти же от-

ношения заключают в себе благодаря «сексуальной своей затемненности» и чувственности также и мучительные дисгармонии.

В свою очередь В. Розанов, исходя из посылки о доминировании мужского начала, минимизирует ее в феномене любви, в котором оба партнера являются равнозначными и равноценными. Более того, женщина воспринимается как Небесное существо. По его убеждению, именно любовь выступает основополагающим фактором жизни любого человека независимо от пола. В. Розанов пишет: «Всякая любовь прекрасна. И только она одна и прекрасна. Потому что на земле единственное “в самом себе истинное” – это любовь... Любовь – воздух, без нее – нет дыхания... Мы рождаемся для любви». Любовь предполагает наличие двух личностных и половых стихий, поскольку она «есть взаимное пожирание, поглощение... это всегда обмен, – души, тела... “Меня” уже нет, а “все – твое”» [6, с. 141–143, 145]. Согласно В. Розанову, в христианской традиции любовь между мужчиной и женщиной рассматривается при всех чувственных порывах непременно как «нравственное чудо» и нравственная привязанность, а исключительно телесная любовь имеет только «уличные формы». Поэтому русский философ призывает всегда страстно беречь главный и всему живому дарованный цветок любви, всякое «Есть» любви.

Что же касается внешней привлекательности, то консерваторы XIX столетия разделяли позицию видного представителя консерватизма эпохи итальянского Возрождения Дж. Савонаролы, который отмечал, что подлинная красота выражается в способности человека, независимо от пола, отразить в своей душе сияние света, исходящего от Бога. Это проявляется и в его телесности, поскольку прекрасная душа сопричастна красоте божественной и отражает свою прелесть в теле человека через пропорциональность и гармоничность всех его членов и частей тела.

Заключение

Базовые принципы либерального подхода к интерпретации гендерных отношений в обществе разработаны И. Кантом, в концепции которого делается акцент на естественности соединения и нерасторжимости связи между мужчиной и женщиной в различных сферах, начиная со сферы чувственности, свободы брачного выбора и заканчивая равным правом на частную собственность.

Тренд к либерализации гендерных отношений был закреплен французским мыслителем А. Токвилем, настаивающим на том, что социальное равенство изменяет отношения между мужчинами и женщинами, а демократия повышает социальный статус женщины и все больше уравнивает ее с мужчиной.

Консервативные мыслители (Ф. Ницше, Гегель и др.) объявляли любые попытки женщины расширить границы ее социальной самореализации как «промысел дьявола», «извращение космического порядка», «бунт против природы» и т. п.

В своем нерадикальном, христианском варианте консервативный взгляд на отношения между полами представлен в концепции Гегеля. В ней акцент делается не на обесценивании природы женщины или же ее противопоставлении мужской, а на их функциональном различии.

Подобной позиции придерживались и русские философы В. Соловьев, В. Розанов, С. Булгаков, которые видели общественный идеал не в механическом уравнивании полов, к чему стремились феминисты, а во «взаимном дополнении этих начал, тяготеющих друг к другу», без чего «половина» не может стать целым.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гулыга, А. Кант / А. Гулыга. – М. : Молодая гвардия, 1981. – 303 с.

2. Токвиль, А. Демократия в Америке / А. Токвиль. – М. : Прогресс, 1992. – 559 с.
3. Ницше, Ф. Сочинения : в 2 т. / Ф. Ницше. – М. : Мысль, 1990. – Т. 2. – 829 с.
4. Гегель, Г. В. Ф. Философия права / Г. В. Ф. Гегель. – М. : Мысль, 1990. – 524 с.
5. Булгаков, С. Свет невечерний. Созерцания и умозрения / С. Булгаков. – М. : Республика, 1994. – 415 с.
6. Розанов, В. Опавшие листья / В. Розанов // Русский эрос, или Философия любви в России : антология / сост. В. П. Шестаков. – М. : Прогресс, 1991. – С. 140–149.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 30.08.2019

Sokolovskaya M. G. Liberal and Conservative Interpretations of Gender Relations in the XIX Century

The analysis of liberal and conservative versions of gender relations, formulated in European (and Russian) philosophical thought in the XIX century is carried out. The representatives of liberal government considered the rational expansion of women's rights and their opportunities in the sphere of professional activities, including political activities. They defined family and household functions, and then production. This approach was based on conceptual provisions developed by the philosophy of the Enlightenment. The conservative tradition in the interposition of gender relations took an anti-feminist position, attached excessive importance to biological and psychological features of the sexes and contrasted the socio-cultural purpose of man and woman, based on the religious (Christian) reading of their social missions.